

СПЕЦИФИКА РАССКАЗЧИКА В РОМАНЕ ГР. СЛУЖИТЕЛЯ «ДНИ САВЕЛИЯ»
THE SPECIFICS OF THE NARRATOR IN THE NOVEL OF THE GR. SLUZHITEL «DAYS OF SAVELIY»

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению повествовательной полифонии в романе Григория Служителя «Дни Савелия» в аспекте «теории автора» Б. О. Кормана. Разграничены такие повествовательные фигуры, как «собственно автор» и «автор-повествователь». Проанализированы рассказчики, относящиеся к этим категориям нарраторов.

Ключевые слова: повествовательная полифония; ненадежный нарратор; Григорий Служитель; Б. О. Корман; «теория автора».

Abstract: The article is devoted to the consideration of narrative polyphony in the novel «Days of Saveliy» by Gr. Sluzhitel' in the aspect of the «theory of the author» by B.O. Korman. Such narrative figures as «the author proper» and «the author-narrator» are differentiated. The narrators belonging to these categories of narrators are analyzed.

Keywords: narrative polyphony; unreliable narrator; Gregory Sluzhitel; B. O. Korman; «the theory of the author».

Зверь-повествователь занял отдельное место в литературе, обращение к нему не является новаторским приемом. Однако вопрос о функции такого нарратора и оправданности реализации данного приема поднимается критиками до сих пор. Так произошло и с романом Григория Служителя «Дни Савелия», который был опубликован в 2018 году и вызвал споры в литературном сообществе.

Мы ставим перед собой задачу рассмотреть сложную систему нарраторов, ее специфику и полифонизм в романе.

В основу нашего анализа романа положена «теория автора» Б. О. Кормана, а именно формы выражения «авторского сознания на субъектном уровне – по степени дистанции другого субъекта от автора, его объективности по отношению к авторскому сознанию». В книге о лирике Н. А. Некрасова он впервые создает эту систему применительно к лирике, выделяя: «собственно автора», «повествователя», «лирического героя», героя «ролевой лирики».

Однако данная система применима и к нашему роману, так как в нем задействованы такие формы выражения, как «собственно автор» и «повествователь», которые в свою очередь релевантны и в прозе.

Остановимся на них подробнее. «Собственно автор выступает ... как человек, который видит пейзаж, изображает обстоятельства, размышляет над ситуацией. При непосредственном восприятии ... преимущественное внимание читателя сосредоточено на том, что изображено, о чем говорится...» [1, с. 72]. Здесь нарратор выступает, в первую очередь, как двигатель сюжета, его функция – рассказать историю. Однако у читателя не только формируется представление о рассказанных событиях, но и складывается образ рассказчика: «...мы не увидим его внешности, не узнаем, каков особенный склад его характера, но его общая жизненная позиция, представления о добре и зле, социальные симпатии и антипатии, нравственный пафос, смысл его отношения к миру – все это запечатлено» [1, с. 75].

Фигура повествователя уже не совсем является носителем авторской мысли. Он выступает как герой со своим характером: «Каков повествователь, как он смотрит на мир, как он относится к действительности, кого любит и кого ненавидит – обо всем этом читатель узнает не столько из прямой самохарактеристики автора, сколько по тому, как он изображает другого человека» [1, с. 77]. Такой нарратор ...видит героя, обращается к нему, размышляет о нем, но не является каким-то лицом; ...носитель угла зрения, тот, кто размышляет и рассказывает, и герой явно живет только в его воспоминаниях; повествователь не обращается к герою, а говорит о нем читателю; он скрыт в тексте в гораздо большей степени, чем в рассмотренных случаях» [1, с. 79]. Повествователь не только излагает читателю события и знакомит его с другими героями, но и оценивает себя, мир вокруг, события, других персонажей.

Перейдем непосредственно к роману «Дни Савелия». Роман построен как воспоминания кота с момента нахождения в утробе матери и до смерти. Главный герой-повествователь в романе – кот, что делает его ненадежным рассказчиком, в том числе и потому, что он описывает человеческую действительность под особым углом зрения. Данная фигура выражения авторского сознания относится к автору-повествователю, так как обнаруживает себя, ведет речь от первого лица, имеет открытую позицию по отношению к происходящему.

Кот-повествователь не единожды утверждает, что не в состоянии написать книгу: «О если бы я умел писать ... Вот была бы жизнь! Я бы писал роман, а ты бы лежала на подоконнике и молча гордилась бы возлюбленным» [3, с. 338]. При этом дар сочинительства у Савелия не только присутствует, но и отлично развит: «Коты слушали меня с раскрытыми ртами и не могли дожидаться, когда наступит следующий вечер, чтобы узнать какую-нибудь новую историю» [3, с. 361]. Кот-повествователь знакомит нас со своей историей устно: «... я понял, что мир больше не вмещает всех историй, но я не могу ее не рассказать. Я должен договорить» [3, с. 378].

Кот Савелий предстает перед нами как интеллектуальный повествователь. Разбирается в музыке: «Я выстроил свою жизнь сообразно пропорциям *L'amoroso*. Во время обеда я попеременно нажимал правой и левой лапой на мамину грудь в ритме *allegro*: молоко поступало в меня то протяжным и долгим *legato*, то короткими порциями *staccato*. В урочные часы я кружился за собственным хвостом в темпе концерта. Я перепрыгивал трещинки в асфальте, стараясь приземлиться на сильные доли» [3, с. 25]. Он ценит искусство: «А картина, на

которую я бросил взгляд, оказалась портретом Марии Лопухиной кисти Владимира Лукича Боровиковского» [3, с. 140]; и мыслит как художник: «Мимо меня, словно вещи на багажной ленте, проплывали люди... Их лица, фигуры были выполнены в смешанной технике. Одежда, привычки и, главное, голос были нарисованы красками, выпукло и искусно, а лица, волосы едва были проведены карандашом» [3, с. 112]. Вослед своему ученому собрату гофмановскому коту Мурру он владеет латынью и цитирует Аристотеля: «Post coitum omne animal triste est»... От себя добавлю: «Et autem ante est» [3, с. 208]; обладает знаниями в сферах от медицины до литературы: «Мы грелись на канализационном люке и смотрели на Чернышевского. Это был странный памятник. Казалось, скульптор против собственной воли выразил не столь душевные переживания Николая Гавриловича, сколько болезни его тела и физическую немочь. Так, например, мешки под глазами свидетельствовали о плачевном состоянии почек. Одной рукой писатель держался за плечо, как будто туда отдавала боль в сердце, а другой – за колено, словно страдал артритом или подагрой. Наверняка его печень была сильно увеличена и давила на желчный пузырь. И уж точно он мучился гастритом, а поджелудочная требовала немедленного хирургического вмешательства» [3, с. 346].

Мотив воспоминаний влияет на манеру повествования: нарратор стремится рассказать о важном событии через призму самоанализа и самопрезентации. В центре повествования не столько события романа, сколько фигура повествователя. Именно его оценка событий, других героев, размышления представляют целостную картину мира Савелия. Перед нами рассказ необычного героя о современном мире с позиции антропоморфного героя, который воспринимает мир совсем иначе, нежели человек. Открытая демонстрация «особого взгляда» происходит во время встречи с той самой, «ради кого». Савелий, гуляя по саду имени Баумана, видит скамейке спящую девочку, руки которой «...как будто обнимали сбежавшую во сне кошку. Я оглянулся вокруг, но кошки не увидел. ... На лужайке, следя за маневрами змееловов, сидела девушка» [3, с. 258]. Только после того, как между героями завязывается диалог, читатель понимает, что «девушка» – это кошка. Осознать, кто перед нами, помогают ее реплики: «Как думаешь, такой кошку выдержит?...Нет. У меня нет хозяйки» [3, с. 259].

Рамочный текст произведения непосредственно связан с фигурой повествователя. Он определяет завершенность повествования, закрытость его границ.

Еще один автор-повествователь – «девушка»-кошка, которую зовут Грета. Причем смена повествователя происходит постепенно. Как только герои сближаются, их мысли звучат в унисон. Мы понимаем смену повествователей только по местоимениям и форме глаголов, которые изменяются от мужского к женскому и наоборот: «А потом, мне уже больше не надо было пользоваться ни зрением, ни нюхом, ни навигацией усов, чтобы знать, рядом он или нет. Я просто сразу могла понять это. Уж не знаю как. Раньше я всегда чувствовал себя скомканным фанатиком, которым люди заменяют потерянную фигуру на шахматной доске» [3, с. 264]. Здесь же появляется диалогичность сознаний рассказчиков, и уже непонятно, кто и что говорит. Создается впечатление, что это плавный пере-

ход к новому повествователю – мы – в лице кота Савелия и кошки Греты: «Наверное, все это проходит быстро. Думаешь? Конечно. Это всегда ненадолго. Это грустно. Все грустно. Но так уж повелось. Так должно быть. Но знаешь, в этом что-то есть. Пожалуй, то, что мы этого никогда не забудем. Другое забудем, а это нет. Мне тоже так кажется» [3, с. 264–265].

«Собственно автор» определяется в произведении в определенных эпизодах: во-первых, в историях прошлого людей, временных хозяев Савелия (Лена и Витя Пасечники, Сергеич, отец Поликарп, Сеня), во-вторых, во внутреннем монологе героев, в-третьих, в главе «Записи Белаквина». Здесь собственно автор – это сторонний всезнающий наблюдатель, способный поведать и прошлое других героев так, словно проживал это время вместе с ними. Однако старается не обнаруживать себя, не ведет речь от своего лица. Собственно автор погружается в описание внутреннего мира героев, тем самым помогая раскрыть их характер, переживания читателю: «К своему неудовольствию, Лена заметила, что сердце забилося и стало проситься наружу ... Дни Лены были безрадостными и пустыми. Ей нужна была помощь» [3, с. 64]; «Что же это было? Предчувствие грядущих поражений, будущих провалов, безоговорочных капитуляций. Вот его удел ... На что он рассчитывал? Чего он ожидал? Ложная надежда. Глупая самоуверенность» [3, с. 76].

Интересен также возврат от речи собственно автора к автору-повествователю: в одном фрагменте выступают два субъектно-речевых плана: «Нужно найти исход своей тоске. И Витя нашел. Этим выходом стал я» [3, с. 76].

Таким образом, подвижная повествовательная позиция позволяет не только познакомиться с историей кота, его мировоззрением, размышлениями, но и узнать себя в описании чувств других героев, их прошлого. Столкновение двух точек зрения: антропоморфного героя и ряда героев-людей – помогает увидеть человеческие жизни через призму восприятия кота как стороннего наблюдателя, так и складывается цельная картина мира.

Библиографический список

1. Корман, О. Б. Лирика Н. А. Некрасова / О. Б. Корман. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. – 390 с.
2. Осипова, О. И. Повествовательная полифония в романе Г. Служителя «Дни Савелия» / О. И. Осипова // Научный диалог. – 2021. – № 11. – С. 270–280.
3. Служитель, Г. М. «Дни Савелия» / Г. М. Служитель ; предисл. Е. Водолазкина. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022 – 380 с.